

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

Анна Стерхова. Расследование архивных дел

Анна Князева

Убийца возвращается дважды

«Автор»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Князева А.

Убийца возвращается дважды / А. Князева — «Автор»,
2021 — (Анна Стерхова. Расследование архивных дел)

ISBN 978-5-04-122961-0

Подполковник столичной полиции Анна Стерхова приехала в командировку для расследования архивных дел, в свое время оставшихся нераскрытыми. И сразу к ней обратилась местная жительница Елена Васильевна Колодяжная – она попросила обратить особое внимание на дело об убийстве ее матери. Оно произошло больше тридцати лет назад прямо на глазах Колодяжной, которой тогда было всего десять. Преступника так и не нашли, и женщина до сих пор не могла оправиться после этого чудовищного убийства, оно продолжало преследовать ее даже спустя годы. Анна решила возобновить закрытое дело и заново изучить вещественные доказательства, но оказалось, что они бесследно исчезли из архива...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122961-0

© Князева А., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Проверка	6
Глава 2. Превратности судьбы	10
Глава 3. Страшная история	15
Глава 4. Беспросветный висяк	20
Глава 5. Пропажа	24
Глава 6. Кусок памяти	29
Глава 7. Кровавые буквы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Князева

Убийца возвращается дважды

© Князева А., 2021

* * *

Все персонажи и события романа вымышлены, любые совпадения случайны.

Глава 1. Проверка

Следователь Анна Стерхова и ее помощник вот уже полчаса томились в проходной областного следственного управления в ожидании пропусков. Местечковая бюрократия ничем не отличалась от столичной, государственные задачи здесь превращались в канцелярские, а канцелярские – в государственные.

Пройдясь по вестибюлю, Анна задержалась у стенда и обозрела доску почета. Здесь все было знакомо и предсказуемо, как будто скопировано с десятков и даже сотен таких же следственных управлений.

– Они там что у вас, заснули? – спросил помощник Стерховой у дежурного офицера, но тот лишь напряженно моргнул. По его удрученному лицу было видно, он ждет приказа пропустить московских коллег с еще большим нетерпением, чем они сами.

Прошло еще несколько минут, и к турникету подбежала девушка с погонами младшего лейтенанта юстиции.

– Вы – Стерхова?

Анна обернулась и сделала строгое лицо, давая понять, что до крайности недовольна.

– Почему заставили ждать?

– Простите! Если бы вы предупредили, пропуска были бы оформлены заранее. Но вы приехали неожиданно.

Дежурный офицер с видимым облегчением открыл турникет и, как только они прошли, вновь заблокировал блестящую железяку.

– Уверена, что дело не в этом, – холодно проронила Анна и распорядилась: – Ведите нас к начальнику управления. Какой у него этаж?

– Второй, – ответила провожатая и забежала вперед.

Помощник Стерховой поглядел на ее ладную фигурку и двинулся следом.

– Вас как зовут?

– Младший лейтенант Краюшкина.

– А имя у вас есть?

Девушка повернула голову и бросила на ходу:

– Татьяна.

– Меня зовут Павел Платонов.

– Знаю. Видела, когда оформляла пропуска. – Она чуть отстала и кокетливо протянула ему руку: – Приятно познакомиться.

– Мне тоже, – ответил он.

Шагая за ними, Анна чувствовала себя престарелой матроной. Взойдя на второй этаж, она даже запыхалась, но из снисхождения к себе списала эту слабость на бессонную ночь, проведенную в дороге.

В приемной их встретила секретарша.

– Прошу вас, проходите... – Она распахнула дверь в кабинет и предусмотрительно отступила, пропуская столичных гостей внутрь.

Из-за стола поднялся полковник юстиции, широкоплечий мужчина с жестким, неприветливым лицом. Шагнув навстречу, он чуть заметно ссутулился и остановился, не в силах оторвать взгляда от Анны. Казалось, в нем что-то всколыхнулось, и его лицо осветилось улыбкой.

Он распахнул руки:

– Ну, здравствуй, Аня!

Стерхова вздрогнула, вздернула голову и вгляделась в его лицо.

– Алексей? Стратонов?

– Узнала. – Полковник заграбастал ее в объятия. – Свиделись, наконец!

– Но по документам начальником областного управления значится Иванов... – невнятно запротестовала она.

– Со вчерашнего дня Геннадий Валентинович на заслуженном отдыхе. А я пока исполняю обязанности. – Стратонов отпустил Анну и чуть отстранился. – Значит, не рада?

– Рада, рада. – Стерхова смущенно покосилась на Платонова и младшего лейтенанта Краюшкину. – Чтоб вы знали, мы с Алексеем Климовичем вместе учились в университете.

– Проходите, располагайтесь. – Стратонов вернулся в кресло и, дождавшись, пока все рассядутся, продолжил: – Это проверка? У нас что-то не так?

– Формально – да.

– Для меня ваш приезд полная неожиданность.

– Позавчера вам было направлено письмо, – сказала Анна.

– Не видел. – Полковник поднял трубку внутренней связи: – Ирина, проверь, было позавчера письмо из Москвы? – Немного помолчав, он уточнил: – Насчет приезда следственной группы.

– Аналитической, – вставила Анна.

Стратонов повторил в трубку:

– Насчет приезда аналитической группы в составе двух человек. Так-так... Документы у Иванова в папке? Нет, еще не разбирал. – Он положил трубку и улыбнулся: – Ну вот все и прояснилось. Письмо осело в папке предшественника. Чтобы не искать, объясни мне цель приезда и статус группы.

– Я – замначальника подразделения по раскрытию преступлений прошлых лет при Следственном комитете.

– Слышал. Приказ номер шестьдесят пять от тридцать первого июля. Не думал, что так быстро до нас докатится.

– Семь лет прошло. В самый раз. – Анна кивнула на своего помощника: – Следователь Павел Платонов. Мы оба прикомандированы к вашему управлению для проверки, расследования и закрытия старых уголовных дел.

– Значит, все же проверка... – озадаченно крикнул Стратонов.

– Повторюсь: формально – да, но скорее – помощь.

– На какой срок пребывания ориентируетесь?

– По ходу определимся.

– Где поселились?

– В гостинице «Чернигов».

– Это хорошо, что в центре, от управления в двух шагах. Но, должен предупредить, гостиница старая, так сказать, советский ампи́р. Могу посоветовать что-то посовременнее.

Стерхова нетерпеливо вздохнула и поднялась на ноги:

– Меня и эта устраивает.

Стратонов одобрительно кивнул и тоже встал. Провожая их до двери, он взглядом указал на младшего лейтенанта Краюшкину:

– Татьяну Владимировну передаю в твое распоряжение. Она обеспечит рабочие места и доступ в архив. Короче, все вопросы – через нее. Ну а если возникнут трудности, милости прошу ко мне. Буду рад.

Кабинет для столичных гостей нашелся довольно быстро. Он оказался небольшим и с одним столом, но младший лейтенант Краюшкина проявила организаторские способности. Уже до обеда здесь было все что нужно: столы, светильники, кресла и оргтехника. Осталось только подключить Интернет, но местный айтишник пообещал все сделать к утру.

Краюшкина и Платонов спустились в подвал, где располагался архив, и принесли оттуда две стопки папок с документами по уголовным делам прошлых лет.

Распределив дела между собой и Платоновым, Анна предупредила:

– Работа для тебя новая, поэтому дам совет. Из всех дел выбирай только те, у которых есть шанс на возобновление производства. Методология отбора проста: систематизировать имеющуюся информацию, сопоставить собранные доказательства...

– ...и оценить их доброкачественность, – закончил Павел. – Я знаю, Анна Сергеевна, инструкцию изучил.

– Имей в виду, тебе придется работать с теми делами, которые сам выберешь.

– К чему это вы?

– Не выбирай дел, которых не вывезешь.

Он усмехнулся:

– А вы мне на что?

– На меня особенно не рассчитывай. – Анна медленно подняла глаза и зафиксировала взгляд на его лице. – И вот еще что... Давай-ка, соблюдай субординацию.

– Слушаюсь.

– Знаешь, почему дела не раскрываются и уходят в архив?

– Ну?

– Из-за ошибок исполнителей.

Он возразил:

– Бывают объективные обстоятельства.

– Бывают, – нехотя согласилась Анна. – Вот и соображай, анализируй, выявляй.

– А как, по-вашему, понять, что дело невывозное?

– Говоришь, читал инструкцию?... – Она усмехнулась: – Во-первых, если убийство совершено неизвестным лицом, не связанным с потерпевшим.

– Та-а-ак, – протянул Платонов. – Усвоил. Что еще?

– Отсутствие мотива убийства.

– Вот оно что... – улыбнулся он, однако Анна не обратила на это внимания.

– И, наконец, третье – применение убийцей изощренных способов совершения и сокрытия преступления.

– Это как?

– По-разному, – отмахнулась она. – Впрочем, о третьем пункте пока забудь. При оценке следственных материалов используй первые два, а также интуицию и университетские знания. Я подключусь потом.

– Ну вот, а говорили, чтобы я на вас не рассчитывал, – улыбнулся Павел.

Анна сняла со стопки верхнюю папку и бросила на стол перед собой.

– Знаешь, как говорят: на бога надейся, а сам не плошай.

До конца рабочего дня Платонов и Краюшкина еще два раза побывали в архиве. Просмотренные материалы имели слабую оперативно-следственную разработку. Эту особенность Анна, как бывший оперативник, заметила прежде всего. Ее удручала бесплановость следственных действий, необоснованность версий и пассивность при выявлении подозреваемых. В каждом втором деле расследование затягивалось, обстоятельства забывались, свидетели разъезжались по другим городам или попросту умирали. При передаче дел от одного следователя к другому часть полезных сведений исчезала. Ошибки исполнителей и объективные обстоятельства обрекали такие уголовные дела на закрытие или бессрочное пребывание в архивах.

– Черт знает что! – Взглянув на часы, Павел захлопнул папку. – Конец рабочего дня, а результат нулевой.

– Для такой работы необходимо терпение, – сказала Анна.

– С терпением у меня беда, – признался он и покрутил головой. – Шея онемела. У вас тоже ничего подходящего?

– Пока ничего.

– Можете привести пример конкретного висяка?

– Из тех, что имеем? – спросила Анна.

– Из тех, что вы просмотрели.

Она перебрала папки и, наконец, раскрыла одну.

– Ну, вот, например: тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Убитая – Панина Валентина Сергеевна, тридцати семи лет. Протокол осмотра места преступления составлен поверхностно, я бы сказала, невнятно. Фотографий много, но они сделаны плохо и не по существу – ракурсы неудачные. Ненужные подробности присутствуют, а вот основное упущено.

Павел встал, подошел ближе и склонился над документами.

– Что еще?

– Из материалов дела следует, что убийца, он же насильник, не установлен. Соответственно, ничего не известно о его связи с погибшей. Возможно, они даже не были знакомы.

– Залетный на гастролях?

– Или сосед, добропорядочный семьянин, отец пятерых детей, – сказала Анна.

– Реально? – Павел оторопел. – Был в разработке?

– Это для примера. К слову пришлось. В разработке был только один человек – любовник Паниной. Но он предъявил алиби.

– А как насчет третьего пункта – изошренности преступления и сокрытия улики?

– Дело в том, что ничего не нашли. Значит, преступник оказался умнее следователя.

– А что насчет спермы?

– Восемьдесят девятый год, – отдельно сказала Анна. – Анализ ДНК в то время еще не делали.

– Ах да! – закивал Павел. – Точно!

– Ну, вот тебе классический беспросветный висяк. Ни одного реального подозреваемого при полном отсутствии улик и безнадежных следственных материалах.

– Дело возвращаем в архив?

– Это – завтра. А на сегодня заканчиваем. – Она поднялась со стула, сгребла свои папки и подошла к сейфу. – Распахни-ка мне дверцу...

Когда они вышли к проходной, их встретила младший лейтенант Краюшкина, вручила пропуски и заставила расписаться в ведомости.

Анна шагнула за турникет, сунула пропуск в сумку и, когда подняла глаза, увидела скромную женщину, одетую в серое пальто и вязаную меланжевую шляпку. По ее беспокойному, ищущему взгляду Стерхова поняла: она ждет человека, которого плохо знает или вовсе с ним не знакома.

К Стерховой подошел Платонов, и они отправились в гостиницу «Чернигов», куда заселились утром, сойдя с поезда.

Глава 2. Превратности судьбы

На часах было семь вечера. Обычно в такое время Анне звонила мать. Проверив мобильник и не обнаружив неотвеченных вызовов, она позвонила сама:

- Аллю...
- Вспомнила, наконец? – Голос матери казался больным и обиженным.
- Заболела? – обеспокоилась Анна.
- Сейчас уже лучше...
- Что с тобой?
- Сердце...
- Вызвала врача?
- Выпила корвалолу и полежала.
- И все-таки я волнуюсь.
- Лучше расскажи, как там устроилась.
- Гостиница неплохая.
- Что по работе?
- Все как обычно.
- Клещами из тебя слова не вытянешь! – вспылила мать. – Зачем только позвонила!
- Ну, хорошо... – вздохнула Анна и решила поделиться подробностями: – Помнишь

Лешку Стратонова?

Мать оживилась и ухватила за эту тему:

- Как же его не помнить! Длинный такой, прыщавый.
- Теперь руководит областным следственным управлением.
- Виделись?
- Сразу же, как только приехала.
- И как он теперь выглядит? Посолиднел? – Мать рассмеялась. – В юности был таким

несуразным.

- Теперь – настоящий полковник, я даже не узнала его.
- Уже полковник?
- Стратонов старше меня на два года. В университет пришел после армии.
- Значит, ему тридцать девять...
- Ну да.

Зная мать, Анна предположила, что дальше последует что-нибудь провокационное. И не ошиблась.

– Это же он тебе делал предложение? – Мать помолчала и, не встретив сопротивления, уточнила: – Помнится, явился с цветами и золотым кольцом.

– Зачем ты об этом вспомнила?

– Если бы ты выбрала его, а не Ивана... – Мать набирала обороты по нарастающей, но была остановлена в самом начале пути.

- Хватит, мама! – воскликнула Анна.
- Ну, вот опять «хватит». И поговорить уж нельзя? Сама завела этот разговор.
- Я просто сказала, что встретила Стратонова.
- Вышла бы за него и не куковала бы теперь одна-одинешенька...
- Прости, отключаюсь, у меня звонок по второй линии.

Анна дала отбой и в очередной раз зареклась обсуждать с матерью подобные темы. О чем бы ни шел разговор, она, так или иначе, выводила его на неустроенную личную жизнь дочери. Сама Анна не считала себя неустроенной и придерживалась другой точки зрения: лучше быть одной, чем прожить всю жизнь не с тем человеком.

Соврав матери, она вдруг услышала, что ей и в самом деле звонят по городскому телефону.

Анна прошла в соседнюю комнату и сняла трубку:

– Слушаю.

В ответ прозвучал голос Стратонова:

– Привет, это я.

– Что-нибудь случилось? – встревожилась Анна.

– Я здесь, в гостинице, спускайся в фойе.

Анна переоделась, взяла пальто и вышла из номера. Она пересекла анфиладу темных гостиных, уставленных пыльной мебелью и похожих на заброшенный музей. Великолепие номенклатурной эпохи мерцало в темноте красным деревом, поблекшей бронзой и сонными зеркалами, в которые давным-давно никто не смотрелся.

Спускаясь по лестнице, Анна мысленно прикидывала, что привело к ней Стратонова. Но вспомнив про энергию, которая в студенчестве питала его неукротимое честолюбие, и талант повсюду быть первым, решила, что он явился не просто так.

Встретившись со Стратоновым в фойе, она поинтересовалась:

– Что-нибудь случилось?

– Просто хотел увидеться, – ответил он. – Студенческая дружба не ржавеет, ведь так? – Очевидно, эту фразу он подготовил заранее.

Расчет оказался верным – возразить было нечего.

– Куда пойдем? – поинтересовалась Анна.

– Здесь рядом есть ресторан «Зодиак», где по-дают жульен из белых грибов. Очень рекомендую.

Стратонов любезно помог ей надеть пальто, взял под руку, и они направились к выходу.

У двери, краем глаза, Анна заметила все ту же меланжевую шляпку и ее владелицу. Женщина стояла возле окна в той же выжидательной позе, что и в вестибюле следственного управления.

И это показалось ей странным.

Ресторан «Зодиак» и вправду находился в двух шагах от гостиницы. Интерьер в нем оказался простым, на итальянский манер, но скатерти были чистыми, приборы дорогими, а персонал незаметным. Большого, по мнению Анны, и не требовалось.

В ресторане Стратонов все взял под свой контроль.

– Меню я знаю лучше тебя, поэтому закажу сам.

– Пусть принесут кофе, – сказала Анна. – Американско с одним кусочком сахара.

Стратонов встал из-за стола, чтобы поторопить официанта, но прежде чем уйти, великодушно заметил:

– С твоей фигурой можно позволить два.

Такой комплимент позабавил Анну. С утра и до настоящего времени отношения со Стратоновым представлялись ей обезличенными, однако с этой минуты в них что-то переменялось. Внутри появилось чувство, которому Стерхова не могла подыскать названия. Чуть подумав, она определилась: это был не то интерес, не то отвращение.

Возвратившись из бара, Стратонов поставил перед ней кофейную чашку и сел напротив.

– Знаешь, о чем я думаю?

– Ну, говори.

– Сегодня утром ты вела себя так, как будто мы почти не знакомы. Это меня обидело.

Придвинув чашку поближе, Анна подняла на него глаза.

– Во-первых, я тебя не сразу узнала. Во-вторых, мы встретились в присутствии подчиненных.

Стратонов откинулся на спинку стула и с видимым удовольствием оглядел ее.

- А ведь я следил за твоей карьерой.
- С какой целью?
- Старая любовь не ржавеет, ведь так?
- То же самое ты сказал про студенческую дружбу, – напомнила Анна.
- Возможно, ты будешь смеяться, но я волнуюсь.
- Это на тебя не похоже.
- Люди меняются, и я не исключение. С возрастом стал сентиментальным.
- Не самая плохая человеческая черта.
- Как поживает Иван? – осведомился Стратонов, и ей стало ясно, что к этому вопросу он подбирался заранее.
- У него все хорошо.
- Если помнишь, в списке студентов наши с Иваном фамилии были рядом, но фамилия Стерхова на одну строку выше. Кажется, мелочь, а я за это его почти ненавидел. Впрочем, не только за это...
- Мы разошлись.
- Из-за него ты перевелась в другое подразделение... – расчетливо проронил Стратонов. – Такой перевод можно расценить как понижение в должности.
- Меня это мало волнует, – сказала Анна.
- Мотаться по командировкам – незавидная участь.
- Для кого как.
- Стратонов поманил пальцем официанта и, как только тот подошел, приказал:
- Принеси шампанского и поторопи там на кухне. Еду пускай подают по мере готовности. – Переведя взгляд на Анну, он заметил: – Ты ведь не обедала.
- Она посмотрела в сторону и безучастно поинтересовалась:
- Тебе и об этом докладывают?
- Все, что касается тебя, меня интересует прежде всего. – Стратонов достал из кармана электронную сигарету и предупредил ее замечание: – Мне здесь разрешают курить.
- Анна перевела взгляд на окно и тихо проронила:
- Стемнело...
- Забыл сказать, что я читал твои книги, – похвалился Стратонов.
- Интересуешься детективами?
- Тобой интересуюсь. Читаю и как будто слышу твой голос, понимаю, о чем ты думаешь.
- Временами кажется: протяну руку, и вот она ты.
- Значит, все эти годы мы были на связи.
- Только не подумай, что я тобой одержим!
- Я так не думаю, – заметила Анна.
- И знаешь, это хорошо, что ты взяла псевдоним.
- Чем же Воеводина лучше Стерховой?
- Меня всегда бесила эта фамилия. Впрочем, об этом я уже говорил. – Стратонов вдруг посерьезнел и заговорил другим, отчужденным тоном: – Ну а теперь о делах.
- Тебе стоило начать именно с этого, – усмехнулась Анна.
- Скажи честно, для чего ты приехала?
- Расследовать дела прошлых лет.
- Это официальная версия. – Стратонов напряженно вглядывался в лицо Анны, как будто пытался разгадать потаенный смысл ее слов. – На самом деле что за этим стоит?
- Она покачала головой:
- Ничего, кроме сказанного.
- Этот Платонов... Что за тип?

– Вчерашний выпускник юридического университета. Недолго проработал дознавателем в полиции, потом в налоговой и не так давно перевелся к нам.

– Чей-нибудь сынок?

– Родился в Подмоскovie в небогатой семье.

– А это еще хуже, – нахмурился Стратонов. – Такой будет землю рыть, чтобы выбиться в люди.

– Платонов амбициозен, но вряд ли будет рыться в помоях. – Анна постучала пальцем по бокалу: – Налей, пожалуйста, минералки.

Стратонов налил ей воды и спросил:

– Тебе можно верить?

– Конечно. Впрочем, верить или нет – это твое дело.

– Прости... – Стратонов вытащил из электронного устройства окурки и завернул в салфетку, потом задумчиво произнес: – Рад твоему приезду, однако с его целью я не согласен. Зачем ворошить прошлое и отвлекать на это ценные кадры? У нас для текущих дел сотрудников не хватает.

– Странные рассуждения. По крайней мере, для начальника следственного управления. Ведь наша с тобой обязанность – обеспечить уголовное преследование за совершенное преступление, сколько бы лет ни прошло.

– Ну да... – нарочито сдержанно протянул Стратонов. – Неотвратимость наказания – важнейший правовой принцип. Я понимаю.

– Не мне тебе объяснять, что каждое нераскрытое преступление порождает новое. Непойманный преступник действует в расчете на безнаказанность.

– А ты хорошо подкована.

– Мне нужно верить в то, что я делаю.

– Раскрытие старых дел – это утопия, – усмехнулся Стратонов. – Твои усилия – капля в море.

– Не разделяю твой скептицизм, – заметила Анна. – Новейшие экспертизы и методы дают большие возможности.

Он снова усмехнулся:

– При условии сохранности вещественных доказательств. Но я, к моему глубочайшему сожалению, слишком хорошо знаю реальное положение дел.

– Обеспечение сохранности вещественных доказательств – обязанность начальника следственного управления. Разве не так? А ты рассуждаешь как посторонний.

В их разговоре возникла пауза. Официант принес шампанское и аккуратно разлил по бокалам.

Стратонов поднял свой:

– За встречу!

– За встречу! – сказала Анна и при этом подумала: «Только бы не стал предаваться воспоминаниям».

Но то ли потому, что Стратонов был озадачен служебными делами, то ли потому, что Анна не давала ему повода, на личные темы они больше не говорили.

После ужина бывшие сокурсники вышли из ресторана, прогулялись по улице и благополучно распрощались в фойе гостиницы.

Уход Стратонова Анна восприняла с облегчением, но как только она направилась к лифту, ее окликнули:

– Вы – Стерхова?

Анна обернулась и, к своему удивлению, увидела женщину в меланжевой шляпке.

– В чем дело?

– Вы – Стерхова? – Незнакомка повторила свой вопрос нервным, обвиняющим тоном, как будто Анна от нее что-то скрывала.

– Предположим, я.

– Мне нужно с вами поговорить! – выпалив эту фразу, женщина сникла и замолчала.

На вид ей было лет сорок или немного больше. Невыразительное, с мелкими чертами лицо и хрупкое телосложение делали ее похожей на постаревшего подростка.

– Ну, говорите, – сказала Анна.

Женщина огляделась и нерешительно проронила:

– Здесь?

– Вы сами выбрали это место, – ответила она и, сжавшись, предложила: – Идемте в лобби, там есть диваны.

В лобби они уселись друг против друга, и Анна спросила:

– Что вам нужно?

– Я знаю, что вы приехали расследовать старые уголовные дела, – начала женщина.

– Откуда вам это известно?

– Подруга работает в следственном управлении. Она все рассказала.

– Ну, предположим.

– Меня зовут Елена Васильевна Колодяжная. Мне нужно, чтобы вы нашли убийцу моей матери.

– Ага... – разочарованно проронила Анна. – Ни больше, ни меньше.

– Когда ее убили, ей было тридцать семь лет, а мне – всего десять, – продолжила Колодяжная.

– Было заведено уголовное дело? – немного помолчав, спросила Анна.

– В ноябре тысяча девятьсот восемьдесят девятого, сразу после убийства.

– Вы же понимаете, что старых дел очень много, и я ничего не могу вам пообещать.

Елена Васильевна опустила голову и умоляюще прошептала:

– Прошу вас, помогите... Я в этом ужасе живу уже тридцать лет.

– Понимаю вас.

– Нет, не понимаете. – Женщина подняла глаза, полные слез. – Я видела, как он убивал маму.

Чуть помедлив, Анна взяла со стола листок и протянула Колодяжной:

– Напишите данные вашей матери, место и дату ее гибели.

Елена Васильевна перетрясла свою сумочку и, вытащив ручку, написала несколько строк.

Забрав у нее листок, Анна прочитала и удивленно подняла глаза:

– Панина Валентина Сергеевна?

– Это моя мать.

Обдумав ситуацию, Анна решила не говорить, что видела это дело и посчитала его неперспективным, но тем не менее сказала:

– Приходите ко мне завтра. Я закажу пропуск.

– В какое время?! – с готовностью выпалила Елена Васильевна.

– После обеда, часа в два. Мне нужно как следует ознакомиться с делом.

Глава 3. Страшная история

Утром следующего дня, придя на работу, Платонов открыл сейф, сгреб папки и за несколько приемов перенес их на стол. Сложив несколько папок в стопку, он взял ее в руки и направился к двери.

– Ты куда? – Войдя в кабинет, Анна сняла пальто и повесила его на рогатую вешалку.

– В архив.

– Положи папки на место.

– Но вы же сами распорядились их унести.

– Когда?

– Вчера вечером.

– Сегодня распоряжение отменяется. – Она подошла, порылась в папках и, отыскав нужную, положила на свой стол.

– Ну хорошо, а мне-то что теперь делать? – спросил Павел.

– Еще раз пересмотреть все дела.

– Еще раз?!

– Теперь действуем иначе.

– И как?

– Ориентируйся на дату – ноябрь тысяча девятьсот восемьдесят девятого, плюс-минус три года. Меня интересуют убийства, изнасилования, нападения на женщин и детей в областном центре и в области. Особое внимание обращай на преступления, совершенные неизвестными лицами, и на отсутствие мотива преступления.

– Ну, вы даете, Анна Сергеевна! – Павел обескураженно вскинул руки. – Выходит, снова здорово? Сами же сказали, что такие дела – невывозные.

– Бери и делай, что говорят. – Она уселась за стол, раскрыла папку и мрачно напомнила: – Кто из нас двоих руководитель аналитической группы?

– Вы, – обиженно ответил Платонов.

– Вот и выполняй.

– Хоть бы объяснили зачем.

– Потом объясню.

До самого обеда Платонов не сказал ей ни слова. В двенадцать он вышел из-за стола и натянул на себя куртку:

– Я на обед.

– Иди, – не поднимая головы, ответила Анна.

– Вам что-нибудь принести?

– Только кофе. – Она отстраненно посмотрела на него и уточнила: – Американско с одним кубиком сахара.

– Там сахар в пакетиках.

– Ну так возьми для меня один.

Минуты через две после ухода Платонова в кабинет деликатно постучали.

– Войдите! – крикнула Анна.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула женская голова в меланжевой шляпке.

– Можно?

– Здравствуйте, Елена Васильевна! – Анна поднялась и вышла навстречу. – А я ожидала вас позже.

Колодежная вошла в кабинет и замерла у порога.

– Я здесь с одиннадцати часов. Все думала, может, вы пораньше освободитесь. И вот ведь, пожалуйста...

– Снимайте ваше пальто, садитесь. – Анна указала на стул и села сама. – Должна заметить, с вашим делом есть кое-какие сложности...

– Вы мне отказываете? – от волнения Елена Васильевна привстала.

– Нет-нет, я не об этом. Просто не успела как следует изучить следственные материалы, и у меня появились вопросы.

– К бывшему следователю?

– Нет. К вам.

– Я много раз давала показания, – удивилась Колодяжная. – И первому следователю Казнову, царствие ему небесное, и тому, что был после него, и потом Ускову...

– Усков... – Анна покопалась в памяти и спросила: – Это тот следователь, что ходатайствовал о приостановке предварительного расследования?

– Григорий Кузьмич – последний, кто вел мамино дело, и это он отправил его в архив. Только не подумайте, что я с этим смирилась! Я писала заявления областному прокурору, начальнику областного следственного управления и в Москву.

– Требовали возобновления следствия?

Колодяжная кивнула:

– Да, каждый год. И каждый год получала отписки. Отказ в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, отказ в связи с истечением срока давности, отказ в связи с тем, отказ в связи с этим... Две папки набралось.

– Срок давности нам не указ, – заметила Анна. – Расследовали дела и постарее. Проблема не в этом.

– А в чем? – встревоженно поинтересовалась Елена Васильевна.

– В деле не за что зацепиться. Фотографии места преступления из рук вон плохие. Нет ни подозреваемых, ни свидетелей...

– А как же я? Я – свидетель!

– Ну, хорошо. – Анна придвинула к себе исписанный блокнот и заглянула в него. – Пройдемся по основным вопросам, но прежде расскажите мне все, что запомнили.

– Может, лучше прочтете мои показания? В следственных материалах должен быть протокол.

– Лучше расскажите.

– Но вы же понимаете, прошло больше тридцати лет, – неуверенно промолвила Колодяжная.

– Понимаю.

– Кое-что я, возможно, забыла.

– И это я допускаю.

– Что-то могла напридумывать...

– А вот это вряд ли.

– Вы не понимаете... – Елена Васильевна провела по лицу ладонями, как будто умылась, и договорила с закрытыми глазами: – Все эти годы я только и делала, что переживала тот день снова и снова. Всякое лезло в голову. Могла ли я помешать убийце? Могла ли спасти маму? Конечно, могла... Всего-то и делов – выбежать на улицу и позвать на помощь. – Она сжала пальцы в кулаки и прижала к груди. – Это я не защитила ее, я не спасла!

– На момент совершения преступления вам было десять лет?

– Да, почти.

– Чем же вы могли ей помочь? – Анна взяла шариковую ручку и постучала колпачком по столешнице. – Если бы вы обнаружили себя, то заплатились бы жизнью.

– Мне очень тяжело! – Колодяжная схватилась за лицо и заплакала.

– Охотно вам верю. Принести воды?

– Нет, спасибо.

– Вернемся к нашим вопросам, – продолжила Анна. – Я читала протокол с вашими показаниями. Некоторые моменты мне непонятны и требуют пояснений.

– Все, что могу...

– В момент убийства матери вы были дома?

– Да, это же есть в моих показаниях.

– Опишите подробно свои действия.

– Я спала в своей комнате.

– Это ясно.

– Но потом проснулась.

– Что вас разбудило? Почему вы проснулись?

– Захотела пить и пошла на кухню.

– Та-а-ак... – протянула Анна.

– Спустилась по лестнице... Дом у нас двухэтажный, и моя спальня была на втором этаже.

– Спустились. Что дальше?

– Свернула в коридор и пришла на кухню. Оттуда услышала шум. Потом раздался мужской голос.

– Вы испугались?

– Нет, нисколько.

– Почему?

– Подумала, что к маме дядя Коля пришел.

Стерхова заглянула в записи и уточнила:

– Николай Гуляев, ее приятель?

– После смерти папы он часто к нам приходил. Чаще по вечерам, когда я уже засыпала.

– У них были близкие отношения? – спросила Анна и тут же покачала головой: – Впрочем, откуда вам знать, вы были ребенком.

– У них были близкие отношения, – с утвердительным кивком сказала Колодяжная. – Это я точно знаю.

– Простите?..

– Иногда взрослые даже не догадываются, как много о них знают дети.

– Готова с вами согласиться, – кивнула Анна.

– Когда я вспоминаю то время, сразу же представляю деревянные филенчатые двери, покрашенные белой краской. Одна из них, ведущая из коридора в мамину спальню, была застекленной. По чьей-то прихоти дверные стекла закрасили, и она ничем не отличалась от прочих. Когда приходил дядя Коля, мама запирала ту дверь на щеколду, но в уголке, у самого штапика¹, краска облупилась, и на стекле возник прозрачный пятячок...

Анна догадалась:

– Через него вы подглядывали?

– Всего один раз, – поспешила заметить Колодяжная.

– Это как-то повлияло на ваше отношение к матери?

– Я ревновала. Тогда мне казалось, что она меня предала.

– Вернемся к той ночи, когда произошло убийство.

Елена Васильевна шмыгнула носом и продолжила:

– Я спустилась со второго этажа и свернула в коридор, чтобы пройти на кухню. – Она помолчала. – Наш коридор заслуживает того, чтобы о нем рассказать отдельно. Он был темным и длинным и начинался от самой входной двери. Через десять метров упирался в дверь туалета, поворачивал направо и через пять метров приводил на кухню.

– Оттуда вы слышали шум и мужской голос?

¹ Штапик – элемент филенчатой двери.

- Да. В то время я пила воду.
- Что было дальше?
- Подумав, что пришел дядя Коля, я отправилась назад, в свою комнату. А когда подошла к лестнице, услышала мамин крик.
- Откуда он доносился? – спросила Анна.
- Из спальни, она располагалась в конце коридора, у входной двери.
- И что вы сделали?
- Я подошла к двери, заглянула в облупившийся пяточок и увидела... – Елена Васильевна схватилась за горло и, скорчившись, выдавила из себя: – Простите...
- Анна бросилась к кулеру, налила воды и принесла стакан Колодяжной:
- Пейте!
- Я сейчас... сейчас... – Спустя минуту женщина выпрямилась и подняла бледное лицо. – Простите. Когда я вспоминаю об этом, чувствую смертельный страх и будто цепенею.
- Мы можем прерваться.
- Нет-нет, – запротестовала Колодяжная. – Давайте продолжим сейчас, чтобы к этому больше не возвращаться. – Она выпила воды и, собравшись с силами, закончила: – Я заглянула в прозрачный пяточок на двери и увидела маму, которая ползла по окровавленному полу. На ней сидел мужчина. На моих глазах он перерезал ей горло ножом.
- Вы его узнали? – спросила Анна.
- Елена Васильевна покачала головой:
- Нет, не узнала. Вы же читали протокол.
- Хочу услышать от вас. Возможно, это был Гуляев?
- Нет, не думаю... Помню лишь то, что видела капельки пота у него на лбу. Видела кончик его высунутого языка, когда он перерезал горло маме. Растрепанные волосы помню. Но только не лицо. – Елена Васильевна с отчаянием взглянула на Анну: – Думаете, так не бывает?
- Ну почему же.
- Вы мне не верите...
- Что было дальше?
- Дальше – темнота. Ничего не помню.
- Анна недоверчиво поморщилась и напрямую высказала свои сомнения:
- Если бы вы потеряли сознание, преступник бы вас убил. В таких делах свидетелей убирают.
- Утром бабушка нашла меня в спальне на втором этаже.
- Это все?
- Пожалуй, да.
- Ну, что же, – сказала Анна. – Ничего нового я от вас не услышала.
- Елена Васильевна вдруг тихо заговорила, как будто сама с собой:
- Мне часто снятся сны об этом. И в каждом сне все бывает по-разному. Теперь уж и не знаю, где сон, а где реальность. И только одно остается неизменным...
- Что?
- Страх и чувство вины.
- Подумав, Анна спросила:
- Вас подвергали гипнозу?
- Не помню.
- Жаль, – огорчилась Стерхова, придвинула к ней блокнот и попросила: – Нарисуйте планировку первого этажа. – И, глядя, как неумело рисует Елена Васильевна, ткнула пальцем: – Дверь в спальню вплотную к входной двери?
- Да, очень близко.

– Теоретически, чтобы попасть туда с улицы, убийца должен был сделать всего пару шагов.

– Не больше. – Закончив рисовать, Елена Васильевна отложила ручку. – Вы можете прийти и сами все посмотреть.

– Простите, не поняла...

– Я приглашаю вас, приходите.

– Вы что же, и сейчас там живете?

– Мы с мужем сделали ремонт и кое-какую перепланировку, но, по большому счету, в доме все осталось так же, как прежде.

– Тогда обязательно приду и все посмотрю, – сказала Анна и поинтересовалась: – Вы не в курсе, жив ли Гуляев?

– Слышала, что живет на Качинских Дачах, в ста километрах отсюда.

– Адреса, конечно, не знаете?

– Нет. А зачем он вам?

– Хочу поговорить. Возможно, что-нибудь вспомнит.

– Я звонила, но он не захотел со мной разговаривать, – сказала Елена Васильевна. – Сказал, что не хочет возвращаться к этому делу. И это понятно, его тогда здорово потрепали.

– Номер телефона сохранили?

– Нужно поискать, но вряд ли найду.

Анна посмотрела в свои записи.

– У вашей матери были подруги? Помните кого-нибудь из них? Разумеется, тех, кто еще жив.

– Записывайте. – Колодяжная прикрыла глаза, будто припоминая. – Савельева Людмила...

– Видела протокол с ее показаниями. Сейчас ей за семьдесят. Жива ли?

– Жива. Ее дом неподалеку от нас, на улице Партизана Железняка.

– Номер дома? – Анна взялась за ручку.

– Тридцать восемь.

– В какой квартире проживает Савельева?

– Это частная застройка.

Стерхова записала адрес и задала следующий вопрос:

– Кто еще дружил с вашей матерью?

– Высоцкая, тетя Катя. Она давно переехала в Москву, жива или нет, не знаю.

– Отчество Высоцкой помните?

– Кажется, Николаевна. – Елена Васильевна резко выпрямилась и вдруг покачнулась. – Можно еще воды?

Анна во второй раз прошла до кулера. Протянув ей стакан, спросила:

– Вам плохо?

– Нет, ничего...

– Давайте вызову «Скорую».

– Прошу вас, не надо!

– Как же вы доберетесь до дома?

– Внизу в машине ждет муж, он меня довезет. Могу я сейчас уйти?

– Да-да, пожалуйста!

Колодяжная встала и, едва волоча ноги, направилась к двери. Там она обернулась:

– Запишите мой телефон. Если буду нужна, звоните.

Глава 4. Беспросветный висяк

Никогда еще Анна не чувствовала такой неуверенности и не ждала неизбежного подвоха в работе. Ей казалось, за что сейчас ни возьмись – толку не будет.

Она поднялась из-за стола, взяла чистый стакан и до краев наполнила водой. Выпила, налила еще и снова выпила, будто оттягивая момент, когда ей нужно будет сесть за стол и продолжить работу.

И все же неизбежный момент настал, Анна открыла папку и в очередной раз просмотрела перечень содержащихся в ней документов. Она сосредоточилась на том, что было нужно. Нашла протокол осмотра места преступления, раскрыла свернутые вкладки и, не обращая внимания на схемы и фотографии, в очередной раз начала читать рукописный текст:

«Восьмое ноября тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. Осмотр начат в семь часов тридцать минут, окончен в десять часов сорок пять»...

– Три часа пятнадцать минут смотрели, а насмотрели с гулькин нос, – вслух прокомментировала Анна и продолжила читать документ:

«Дознаватель отдела дознания И. И. Казнов... В присутствии понятых...»

– Так... так... так... Это пропустим.

«Произвели осмотр места преступления – дом тридцать пять по улице Партизана Железняк и прилегающей территории. Здание дома белого цвета расположено вдоль улицы, территория не огороженная. Форма здания прямоугольная, имеется один вход. Подход к зданию просматривается с обеих сторон улицы. Дверь дома деревянная, коричневого цвета, имеет два взрезных замка. При визуальном осмотре на двери с замками и дверной коробке видимых повреждений не обнаружено».

– А глазок? Был глазок? – Анна развернула вкладыш с таблицей и нашла фотографию двери. – Глазка не было. Значит, Панина могла открыть дверь любому, кто позвонил. Хотя, конечно, она имела возможность спросить...

«С внутренней стороны дверь имеет засов. Ригель засова находится в положении «открыто».

– Ну да... Иначе как бы зашел и вышел убийца...

«Коридор продолговатой формы, шириной полтора метра, длиной десять метров. Рядом с входной дверью, из коридора направо, дверь, через которую осуществляется вход в комнату, где найдено тело. Дверь остекленная, стекла с одной стороны закрашены краской».

– Все как рассказала Колодяжная...

«На внутренней стороне расположен шпингалет с ригелем в положении «открыто». На момент осмотра дверь была распахнута настежь».

– Закрыть ее было некогда, возможно, убийцу кто-то спугнул.

«Комната имеет прямоугольную форму, размер четыре метра на пять. В центре, на полу, находится труп женщины. Труп лежит лицом вниз, голова направлена к двери, ноги вытянуты по оси туловища. Левая рука согнута в локте, кисть руки вывернута ладонью вверх. Правая рука откинута в сторону ладонью вниз. Труп на ощупь холодный, на теле проступают трупные пятна. Женщина одета в светлую блузку, юбка поднята до уровня груди. Нижнее трикотажное белье белого цвета, трусы спущены к ступням ног...»

Анна прервала чтение и прикрыла глаза рукой. Со всей реальностью ей представилась картина, которую увидела десятилетняя девочка, и от этой мысли сбилось дыхание.

Через минуту она продолжила читать протокол:

«На вид женщине около тридцати пяти лет, рост сто шестьдесят, волосы темные, телосложение среднее. Глаза закрыты. На голове трупа со стороны лица имеются телесные повре-

ждения, рот открыт, губы разбиты, слизистая преддверия рта сильно повреждена. На шее глубокая рана длиной двенадцать сантиметров».

Потрогав собственную шею, Анна прикинула, что разрез такой длины наполовину опоясывал шею некрупной женщины.

«Под трупом в области головы и шеи, груди и рук имеется лужа бурого цвета, жидкость похожа на кровь».

– Похожа на кровь. – Анна покачала головой. – Надо же, еще и сомневаются. Ну а что тут у вас с вещественными доказательствами?

«В правой от входа стене комнаты находится окно с двойной рамой. Шпингалеты на створках закрыты, окна заклеены бумажными полосами и утеплены ватой между рамами. Шторы на окне открыты, имеется тюлевая занавеска».

Сверившись с протоколом и убедившись, что территория дома не была огорожена, Анна подумала, что при включенном свете с улицы комната хорошо просматривалась. Но был ли включен свет?

Она еще раз перечитала описание комнаты, но не нашла никаких упоминаний. Хотя, если подумать, ночью в темноте девочка не смогла бы рассмотреть капли пота на лице убийцы.

– Определенно, свет был включен.

Напрашивался вопрос: почему убийца не задернул шторы?

– Об этом нужно подумать.

«Далее, по часовой стрелке – слева от двери вдоль стены стоит разобранная полутораспальная кровать. В левом дальнем углу комнаты находится тумба, оклеенная текстурной бумагой «красное дерево». На полу у тумбы лежит нож с деревянной ручкой. На лезвии ножа следы бурой жидкости, похожей на кровь, длина лезвия двадцать пять сантиметров...»

– Ого! – присвистнула Анна. – Успел сбегать на кухню?

Она припомнила: по словам Елены Васильевны, от двери материнской спальни до кухни по коридору был один поворот и расстояние не меньше пятнадцати метров. Одно дело – проникнуть в дом, схватить женщину и затащить ее в ближайшую комнату, и совсем другое – для начала сбегать на кухню за ножом.

Смушал только один момент. Вместе с рукоятью нож имел такую длину, что убийца вряд ли принес его с собой.

– Где же правда?

«У противоположного входу стены стоит журнальный стол и два кресла. Под столом валяется пустая бутылка из темного стекла емкостью семьсот пятьдесят миллилитров, из которой ощущается винный запах. На бутылке путем изучения на просвет обнаружены следы, похожие на отпечатки пальцев. Копии следов изъяты с места преступления...»

Перелистав дело, Анна отыскала отчет о результатах сравнительного дактилоскопического анализа с именем обладателя «пальчиков». Им оказался Гуляев Николай Иванович, любовник Паниной.

– Интересно, как он выпутался из этой истории... – Анна отыскала протокол допроса Гуляева и с удовлетворением заметила: – Значит, все же был подозреваемым.

В «шапке» протокола она изучила личные данные Гуляева: образование среднее специальное, холост, детей нет. На момент убийства ему было тридцать. Разница в возрасте с Паниной составляла семь лет не в пользу последней. Согласно протоколу, Гуляев работал слесарем КИПиА на кирпичном заводе.

– Она была старше...

Анна пропустила графы о разъяснениях и правах, просмотрела краткую биографию и углубилась в чтение показаний:

«Седьмого ноября тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, в период с двадцати часов вечера до восьми часов утра восьмого ноября я находился на дежурстве в ночную смену, что может подтвердить отдел пропусков и моя напарница по смене Савельева Л. М.».

Заметив имя подруги Паниной, которая жила по соседству с Колодяжной, Анна подумала, что хорошо бы с ней встретиться.

– Та-ак... А как ты открестился от пальчиков?

«Наличие моих отпечатков на бутылке могу объяснить тем, что шестого ноября я сам принес эту бутылку с вином в дом гражданки Паниной и выпил ее содержимое вместе с ней. Помимо этого, в доме имеются другие мои отпечатки пальцев, поскольку я часто его посещал».

– Ну, что же, вполне логично, – заметила Анна и, перелистнув протокол, нашла копию запроса следователя в отдел пропусков кирпичного завода.

К запросу был прикреплен ответ, в котором начальник отдела подтверждал слова Николая Гуляева. Та же информация содержалась в протоколе опроса сотрудницы кирпичного завода Савельевой: всю смену с восьми вечера до восьми часов утра Гуляев провел на рабочем месте в насосной станции.

– Так, а что у нас со временем смерти? – Анна отыскала заключение криминалиста.

«Ориентировочно смерть наступила в одиннадцать часов вечера».

Стало быть, у Гуляева было стопроцентное алиби. Вот почему он так легко отделался.

Анна еще раз пересмотрела фотографии с места преступления, особенно те, на которых имелся труп. Они были ужасными, как и все фотографии мертвецов. Но большинство снимков сделано так, как будто фотограф хотел что-то скрыть. Фото с ножом было затемнено до такой степени, что на нем едва различались черно-белые прямоугольники измерительной ленты.

Следующим документом, который взяла Анна, было постановление о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств. К документу была прикреплена квитанция о приеме вещественных доказательств на склад.

Среди перечисленных в списке предметов значился нож, пустая бутылка из-под вина, одежда и белье Паниной. Квитанцию Анна сфотографировала на телефон, чтобы при необходимости информация была под рукой.

Тем временем из коридора донеслись голоса и женский смех, дверь распахнулась, и в кабинет вошли Татьяна Краюшкина и Платонов, нагруженные тяжелыми папками.

Анна недовольно приподнялась со стула:

– Это еще зачем?

– После обеда мы встретились в вестибюле и, чтобы не идти порожняком, наведались в архив за новыми делами, – ответил Павел.

– Кто вас просил? Нам бы разобраться с тем, что имеем.

– Можем унести назад, – обиделась Татьяна Краюшкина.

– Оставьте, – махнула рукой Анна и многозначительно взглянула на Павла. – Платонов пусть продолжает работу по изучению следственных материалов. Для вас есть другое задание, нужно кое-кого разыскать.

– Записываю. – Краюшкина отложила папки и взялась за карандаш.

– Николай Гуляев и Екатерина Высоцкая. Гуляев предположительно проживает в населенном пункте под названием Качинские Дачи.

Татьяна кивнула:

– Знаю этот поселок, он в нашей области.

– Личные данные Гуляева найдете в протоколе допроса обвиняемого в том уголовном деле. – Анна указала на папку.

– Что по женщине?

– Высоцкая Екатерина Николаевна, год рождения неизвестен. Проживала в этом городе в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. Потом, как говорят, переехала в Москву.

– Все поняла. – Краюшкина придвинула к себе папку с делом и раскрыла на перечне документов.

Павел заинтересованно сунул нос в разворот.

– Убийство гражданки Паниной неустановленным лицом? То самое дело? Неужели взяли его в работу?

– Нет, – ответила Анна.

– Но так ведь начали разработку.

– Пока не за что зацепиться.

Он предложил:

– Давайте я подключусь. Может, чем помогу.

– А ты и так помогаешь, – сказала Анна. – Скорее всего, преступник совершал похожие преступления, но их по недосмотру не объединили в общее производство. Так что ищи, Павел, ищи.

Заметив, что Стерхова направилась к двери, он поинтересовался:

– Уходите?

– К начальнику управления. Надо кое-что прояснить.

Глава 5. Пропаж

Первая фраза, сказанная секретаршей Стратонова, с ходу обезоруживала.

– Алексей Климович ждет вас.

– Но я без предупреждения, – заметила Анна. – Вы ничего не путаете?

– Он предупредил: впускать вас, когда бы вы ни пришли.

– Ну, хорошо... – Она приблизилась к двери и услышала за спиной тихий голос:

– К вам Стерхова.

Выдержав недолгую паузу, Анна постучала в дверь и после короткого «Да!» вошла в кабинет.

Стратонов, как и в прошлый раз, поднялся из-за стола и любезно усадил ее в кресло.

– Рад видеть. Что привело?

– Определяюсь с перечнем дел для возобновления производства. Одно уже выбрала, но, похоже, оно не из простых.

– А вот это зря. – Стратонов присел рядом. – Всех старых дел не раскрыть. Следует выбирать попроще.

– Очень зацепило оно меня. Понимаешь? – сказала Анна.

– И что же в этом деле нерядового?

– Восемьдесят девятый год, убийство женщины в ее собственном доме. Десятилетняя дочь жертвы – свидетель.

– Тоже убита?

– В том-то и дело, что нет.

– Неужели оставили в живых?

– И это странно. Возможно, повезло, но только вот ведь какая штука... – Анна ненадолго задумалась. – Теперь она сорокалетняя женщина и мало что помнит. Пробовала ее разговаривать, но ничего не вышло.

Стратонов уточнил:

– Не помнит или не хочет вспоминать?

– И здесь ты попал в точку. Думаю, и то и другое. Попробуй докопаться.

– Вот и я говорю: брось это дело. Нераскрытых в архиве полно, подыщешь что-нибудь более подходящее.

Анна ненадолго задумалась, а потом спросила:

– Кто такой Усков?

– Григорий Кузьмич? – Стратонов поднялся со стула, прошелся по кабинету и сел на свое место, словно отделяя официальный разговор от приватного. – Следовательно, старейший работник нашего управления.

– Еще работает?

– Если быть точным – дорабатывает. Давно бы его уволил, но ради семьи пошел навстречу. Он все же многодетный отец.

– Сколько ему сейчас? – спросила Анна.

– Кажется, шестьдесят четыре.

– Еще не старый.

– Да уж куда там! Пятеро детей, младшей дочери – десять.

– Надо же. – Она покачала головой. – Могу с ним поговорить?

Стратонов поднял трубку:

– Ирина, Ускова разыщи. Скажи, пусть срочно ко мне зайдет.

– Да я и сама бы к нему сходила, – сказала Анна.

– Так не годится, – серьезно заметил Стратонов. – Для начала представлю вас друг другу, а там поступай как знаешь.

– Что он за человек?

– Что за человек? – Стратонов ненадолго задумался. – Звезд с неба не хватает.

Анна усмехнулась:

– Только и всего?

– В начале своей карьеры я с ним работал так же, как сейчас Платонов с тобой, – что-то вроде стажировки или, как тогда говорили, наставничества. У него были занятные правила. Усков как в той поговорке: всегда искал не там, где потерял, а там, где светло. Еще он считал, что каждый документ должен вылежаться.

– Расшифруй.

– Например, отписали тебе распоряжение, а ты положи его в ящик стола и на время забудь. Глядишь, через недельку-другую принесут второе распоряжение, которое отменяет первое. Вот так. И ничего делать не надо, меньше движений.

– Очень рационально.

– Рационально – да, – согласился Стратонов. – Однако не всегда работает. Усков частенько подвергался взысканиям, карьеры так и не сделал.

Из динамика на столе раздался голос секретарши:

– Алексей Климович, здесь Усков.

– Пусть заходит, – сказал Стратонов.

В кабинет вошел приземистый, плотный человек с выдающимся животом. Жесткие, «соль с перцем», волосы торчали на его крупной голове, словно остриженные стрелы дикобраза. Крупный, мясистый нос и затененные подглазья, несомненно, были отличительными чертами его лица, тогда как глаза, блеклые точки, оставались едва заметными.

– Вызывали? – Усков прошел по ковровой дорожке и остановился в двух шагах от стола.

– Дело к вам, Григорий Кузьмич. Хочу познакомить вас с московским следователем из отдела по раскрытию преступлений прошлых лет. – Стратонов вытянул руку и указал на Анну: – Подполковник, заместитель начальника отдела, Анна Сергеевна Стерхова.

Усков повернул голову так мощно, что казалось, хрустнула шея. Вслед за головой повернулся весь корпус, он шагнул к Анне и протянул руку:

– Очень приятно. Наслышан о вашем приезде.

Анна встала и ответила ему рукопожатием.

– Взаимно.

– Анне Сергеевне нужна ваша помощь, – сказал Стратонов.

– Я готов! – ответил Усков.

– Для разговора пройдемте в мой кабинет, – предложила Анна. – Или идемте к вам, если так будет удобнее.

Они направились к выходу, Анна – первой, Усков шел за ней. Стратонов все это время напряженно смотрел на дверь, словно опасаясь, что они вдруг возьмут и задержатся в его кабинете.

В приемной Усков сказал:

– Лучше идемте к вам.

В молчании они прошли до кабинета.

– Прошу. – Усков отступил и пропустил Анну первой, а следом вошел сам.

Платонов встретил их любопытным взглядом, ожидая хоть каких-нибудь объяснений, но Анна лишь представила их друг другу. Потом предложила Ускову сесть и села сама.

Она сделала вид, что ищет в следственных материалах какой-то документ, а на самом деле выдержала паузу, чтобы собраться с мыслями и задать Ускову первый вопрос:

– Помните дело об убийстве гражданки Паниной в ноябре восемьдесят девятого года?

– Конечно, помню. Улица Партизана Железняка, тридцать пять. Живу на этой же улице.
– Через два года после того, как над делом поработали два других следователя, расследование попало к вам в руки.

– Расследование – это громко сказано. – Усков неожиданно рассмеялся, и Анна подумала, что более неприятного смеха она никогда не слышала.

– Тем не менее вы над ним поработали.

– Дело об убийстве Паниной прошло через много рук. Когда за него взялся я, то сразу понял, что дело гиблое.

– С чего это вдруг?

– Вы сами изучали следственные материалы?

– Весьма поверхностно.

– И так ничего не поняли?

– Давайте по существу, – оборвала его Анна. – Были другие подозреваемые по делу, кроме Гуляева?

Усков покачал головой:

– Нет. Ни одного.

– Ну, вот что... – Она замолчала, выбирая иную плоскость, другой взгляд на вопрос. – Пускай в материалах дела этого нет, не важно. Но хотя бы на интуитивном уровне или в мыслях вы предполагали, кто мог убить?

Усков отчеканил:

– Таких категорий в следственных действиях нет.

– Ясно. – Анна рассеянно огляделась и встретила взглядом с Платоновым. Тот с сожалением покачал головой.

– Часть документов была утрачена до того, как я приступил к расследованию, – сказал Усков. – На каком этапе они исчезли – мне неизвестно. Что касается подозреваемых: откуда им взяться через два года после убийства?

– Я понимаю, – согласилась Анна.

Ей не нравился этот человек, однако она упорно старалась побороть свою неприязнь, зная, что предвзятость в работе вредит делу.

Усков же, напротив, начал проявлять раздражение.

– Вам наверняка известно, что девочка, дочка Паниной, видела убийцу, но не запомнила его. Чего вы хотите?

– Других свидетелей не было?

– Загляните в справки подомового обхода.

– Видела, но не углублялась.

– А вы углубитесь и сразу поймете: соседи ничего не видели и не слышали. Информации – ноль. Я сам в то утро побывал на месте преступления и с первого взгляда понял, что это убийство – беспросветный висяк.

– А зачем вы туда приехали? – удивилась Анна.

– Вызвали. Но в ту ночь дежурил следователь Казнов, ему и отдали дело.

– Уверена, что все не так безнадежно, – сказала Анна.

– Когда, спустя два года, я стал разбирать документы, сразу переговорил с первым следователем...

– С Казновым?

– Ну да.

– А почему он сам отстранился?

– Он не отстранился, а просто ушел на пенсию.

– И что вам рассказал Казнов?

– Он был уверен, что Панину убил кто-то из ее окружения.

– В материалах дела фигурировал только любовник, – заметила Анна.

Усков уточнил:

– Гуляев предоставил железное алиби. Но если говорить начистоту: кто знает, сколько у погибшей было любовников?

Анна перелистала материалы дела и проронила:

– У меня есть и другие вопросы.

– Ко мне или в принципе? – спросил Усков, и в его маленьких глазах заплясали чертики.

– Вот, взгляните. – Она показала снимок ножа. – Орудие убийства.

– Ну да, видел, знаю.

– Тогда поясните. Убийца взял нож с кухни Паниной или принес с собой?

– А что сказано в материалах дела?

– Об этом ни слова.

– Я тоже не помню. Прошло тридцать лет.

Анна подняла глаза и зафиксировала взгляд на лице Ускова, намеренно выбрав объектом внимания его вздутый нос.

– Как можно было допустить такую небрежность?

– Вопрос не ко мне! – зло отозвался он. – Я работал с тем, что имел.

– В то время родители Паниной были еще живы. Они могли опознать нож.

– Послушайте, уважаемая, – с сочувствием начал Усков, но Стерхова его прервала:

– Меня зовут Анна Сергеевна.

Он продолжил:

– Послушайте меня, старика. Ничего вы из этого дела не выжмете, как ни старайтесь.

– Ну, это мы посмотрим, – сказала Анна и задала следующий вопрос: – В доме Паниной был установлен телефон?

– Был, это я помню. Ее мать вызвала милицию с домашнего телефона.

Анна замолчала, сомнения одолевали ее все больше и больше. Этот закоренелый представитель следственной бюрократии выглядел ненадежным союзником и не внушал никакого доверия.

– Кто-нибудь звонил Паниной тем вечером перед убийством? Запрос на телефонную станцию делали?

Усков почесал пальцем нос, словно избавляясь от ее упорного взгляда.

– Возможно, я путаю с каким-нибудь другим делом, но, кажется, за час до убийства Паниной звонили из телефона-автомата. Соединение было прервано, трубку положили, как только она ответила. – Он постучал пальцем по папке со следственными материалами. – Вы проверьте, там наверняка есть ответ с телефонной станции на запрос следователя.

– Его там нет.

Усков предпринял отчаянную попытку выглядеть удивленным:

– Странно... А мне казалось, что он там был.

Это замечание разозлило Стерхову. Она взяла начальственный тон и заговорила так, как будто знала больше, чем он:

– На каком основании вы направили ходатайство о приостановке предварительного следствия по делу Паниной?

Усков заволновался, вероятно, предположив, что в ее вопросе кроется какой-то подвох.

– В связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Криминалист Бернарделли выдал письменное заключение о выполнении всех следственных действий, которые ни к чему не привели. Мы были в тупике.

– На мой взгляд, вы и этот Бернарделли угробили живое, небезнадежное дело.

Толстяк сузил глазки:

– Не стоит бросаться такими словами, уважаемая Анна Сергеевна. Посмотрим, что выйдет у вас, если вы рискнете взяться за это дело.

Стерхова резко встала:

– Мне нужны вещественные доказательства по делу Паниной. Где они?

– Хранятся в подвале. Идемте, я провожу. – Усков тоже встал и указал глазами на документы: – Советую записать номер квитанции о принятии на хранение. Так будет проще найти.

– Эта информация уже в моем телефоне, – сказала Анна и направилась к двери. – Идемте!

Они спустились в подвал, но помещение склада вещественных доказательств оказалось закрытым на замок. Усков разыскал по телефону кладовщика, и тот вскоре явился.

Немало времени ушло на то, чтобы разыскать регистрационный журнал за восемьдесят девятый год. Но как только кладовщик нашел его и сверился с номером квитанции, он указал номер стеллажа, полку и место, где хранились вещественные доказательства по делу Паниной.

Все трое подошли к стеллажу. Анна выдвинула картонную коробку и заглянула внутрь. Потом обернулась и сухо проронила:

– Здесь пусто.

Глава 6. Кусок памяти

- Мне надо с тобой поговорить, – в трубке прозвучал встревоженный голос матери.
- Что случилось? – Анна перевернулась на бок и натянула на себя одеяло. – Сколько сейчас времени?
- Шесть тридцать.
- Утра?
- Ну не вечера же!
- У тебя злой голос.
- Не злой, а испуганный. Этим утром я заходила в твою квартиру, – сказала мать.
- Зачем?
- Хотела полить цветы.
- У меня нет цветов, мама.
- Да мало ли зачем! Проверить газ, воду, окна.
- Ну, говори...
- В твоей квартире живет мужчина!
- Анна откинула одеяло и села в постели.
- Я оставила ключи другу и не рассчитывала, что ты придешь со своими.
- Мать многозначительно проронила:
- У вас с ним роман?
- Майор Клейменов – мой коллега из Придивного. В Москву приехал по служебным делам.
- Придивный? Тот самый черноморский городок, где ты отдыхала в сентябре? – Мать разочарованно выдохнула. – Что за времена! Мы ездили на юг и заводили романы, а наши дети едут на юг для того, чтобы встретиться с коллегами по работе.
- Надеюсь, ты успокоилась.
- Как у тебя дела? – спросила мать.
- Еще не поняла. Надеюсь, что все нормально.
- С недавнего времени в твоей жизни только командировки. Зря ты переменила работу.
- Если хочешь сказать что-то конкретное, говори. Мне нужно собираться.
- А твой Клейменов симпатичный мужчина...
- Пока, мама, пока. – Анна дала отбой, но телефон снова зазвонил.
- Теперь это был сам Николай Клейменов.
- Он коротко справился:
- Не рано?
- Уже не сплю, – ответила Анна.
- Кажется, я напугал твою мать.
- У нее есть запасные ключи и привычка повсюду совать свой нос.
- Мою командировку продлили. Есть шансы дождаться твоего возвращения, – сказал Николай.
- На это не рассчитывай. Я здесь надолго. Что касается квартиры – живи сколько угодно.
- Что, если я возьму и приеду? До тебя всего пятьсот километров.
- Она усмехнулась:
- А как же твоя командировка?
- В шесть вечера выеду из Москвы, в одиннадцать буду у тебя.
- Ну конечно, а потом к семи утра вернешься в Москву. Давай лучше отложим это мероприятие.
- Надолго?

– По крайней мере, до выходных.

– Тебя трудно переубедить. – В голосе Николая сквозило разочарование.

Решив не затягивать разговор, Анна пообещала:

– Завтра я тебе позвоню.

Спустившись в фойе гостиницы, Анна встретила Платонова, который сдавал на ресепшене ключи от своего номера. На работу они отправились вместе.

Было еще темно. Ночью прошел снег, осветлив городские улицы. Они шагали по свежему покрову, оставляя черные следы. В сером небе блекло светила луна, дул сильный, холодный ветер.

Павел поежился, накинул на голову капюшон и проронил:

– Планировал с вами поговорить.

– Давай.

– Кажется, я нашел похожее дело. Все как вы говорили – сентябрь тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, изнасилование и покушение на убийство молодой женщины. Преступник не установлен.

– Стало быть, женщина осталась жива? – заинтересовалась Анна.

– По крайней мере, в восемьдесят девятом была.

– Где и как все произошло?

– Здесь, в областном центре. Насильник подкараулил ее в подъезде многоквартирного дома, когда она возвращалась ночью домой после дежурства.

– Где работала? – уточнила Анна.

– В круглосуточной аптеке.

– Положишь мне на стол это дело, сегодня же его посмотрю. А ты найди эту женщину, может быть, что-то сложится. Да, и узнай адрес аптеки.

– Для начала съезжу на адрес, где она проживала в то время.

– За тридцать два года многое изменилось. Лучше проверь по базе.

– В восемьдесят девятом ей было двадцать три. Могла выйти замуж и сменить фамилию, – заметил Павел.

– Делай как знаешь, но только найди, – закончила Анна.

Незаметно, за разговором, они дошли до здания управления и встроились в очередь сотрудников у турникета. Встав рядом с Павлом, Анна почувствовала, как чей-то палец вежливо стучит по ее плечу.

Она обернулась:

– В чем дело?

Позади нее стоял интеллигентного вида, еще не старый мужчина в пальто и фетровой шляпе.

– Та самая Стерхова? Из Москвы?

– Та самая. А вы кто такой?

Мужчина уважительно поклонился:

– Бернарделли, Иван Лукич.

– Криминалист? – оживилась Анна.

– Так точно.

– А я как раз хотела вас разыскать.

– Вот видите, все совпало, – сказал Бернарделли. – Признаюсь, я говорил с Усковым и предпочел найти вас раньше, чем меня разыщете вы.

Очередь продвинулась, они поочередно приложили пропуска к валидатору турникета и прошли в коридор. Там, не сговариваясь, направились к ее кабинету, дверь которого уже отомкнул Платонов. Он с любопытством оглядел Бернарделли, сел за стол и наострил уши.

– Присаживайтесь. – Анна стянула с себя пальто и бросила его на ближайший стул, там же оставила сумочку. Ей не терпелось переговорить с криминалистом по делу Паниной.

Сняв шляпу, Бернарделли опустился на стул, при этом вид у него был немного взъерошенный. Перехватив ее взгляд, он тут же объяснил свое состояние:

– Чувствую себя виноватым.

– Вижу, что Усков пересказал вам наш разговор, – обронила Анна.

– Теперь могу признаться, что закрытие дела Паниной было непростительной ошибкой.

Очень жаль, что по истечении стольких лет уже ничего не исправить.

Нахмурившись, Анна сказала:

– Вы собственноручно подписали заключение об исполнении следственных действий. Я видела вашу подпись. Что ж теперь горевать?

– Разделяю ваше негодование, но мне в то время было всего двадцать шесть.

– При чем тут возраст? – поинтересовалась она.

– Я не имел достаточного опыта, поэтому прислушивался к мнению старших товарищей.

– Тем не менее ответственность за приостановку следствия по делу Паниной в равной степени лежит на вас и на Ускове.

– Вы – жесткая женщина, окольными путями не ходите.

– У дела был потенциал, а вы его утопили.

– Вот как... – Бернарделли неуютно поежился. – Что ж теперь делать? Как говорится, после драки кулаками не машут. Давайте лучше направим наши усилия в конструктивное русло. Могу я вам чем-то помочь?

– Можете, – согласилась Анна. – Если вспомните обстоятельства и детали убийства Паниной.

– Я понимаю и должен заметить, у меня хорошая память.

Анна раскрыла папку, достала из нее фотографию ножа и положила на стол:

– Откуда он взялся?

– Найден в комнате и определен как орудие преступления.

Она уточнила вопрос:

– Убийца принес его с собой или взял с кухни Паниной?

Прищурившись, Иван Ильич поинтересовался:

– Простите, как вас по имени-отчеству?

– Анна Сергеевна.

– Видите ли, Анна Сергеевна, таких подробностей я не помню. Но по фотографии могу определить: это определенно филейный нож.

– Филейный? Что это значит?

– Для убийства он малопригоден, слишком гибкий и длинный клинок. Если бы это оказался обвалочный нож для мяса, было бы удобнее наносить удары. Вы, наверное, читали в заключении судмедэксперта, что первые удары убийца нанес Паниной в грудь, но они были не смертельными. И только потом он перерезал ей горло.

– И чем же филейный нож отличается от обвалочного? – любопытствовала Анна.

Бернарделли провел пальцем по фотографии:

– У обвалочного ножа клинок короче и толще, а на режущей кромке у рукояти имеется ярко выраженный «усик».

– Что-то вроде выступа?

– Ну да. Таким ножом сложно пораниться, «усик» работает как упор для ладони. А вот филейным ножом пораниться очень просто, рука может соскользнуть с рукояти. В таком случае порез неизбежен. Тем более что филейный нож затачивают лучше, чем любые другие.

– Меня интересует только одно. Что это значит в нашем конкретном случае? – уточнила Анна.

– Маленький экскурс: в домашнем обиходе чаще всего встречаются универсальные ножи. Уверен, что такие присутствуют в вашем доме. А вот филейный нож, как и обвалочный, – орудия профессионалов.

– Где их используют?

– На бойнях, мясокомбинатах или в деревенских домах, где после убоя вырезают филе. Возможно, в столовых или ресторанах, куда привозят неразделанные туши.

– Надеюсь, в свое время вы посвятили в эти тонкости следователя?

– Тогда я не обладал подобными знаниями.

Анна взяла паузу, а потом спросила:

– Что с кровью? В деле нет заключения об анализе крови, взятой с ножа.

– Его делали, я это помню, – уверенно сказал Бернарделли.

– Заключение дактилоскопической экспертизы рукоятки тоже отсутствует.

– Рукоять ножа была чистой. Прежде чем бросить нож, убийца, вероятно, протер его собственной одеждой. Обычно делают так.

– Хотелось бы прояснить один очень важный момент. Обычно при этом виде убийства и таком количестве крови остаются следы от обуви. Но я не нашла ни упоминаний, ни фотографий.

– Все было затерто половичком. В комнате, в коридоре и на ступенях крыльца.

– А на земле? На мерзлой земле следы могли остаться.

– Этого не было.

– Не было или не проверяли? – Анна в раздражении отбросила фотографию ножа. – Руки бы оборвать тому, кто сделал такие снимки!

– Их делал я, – скромно проронил Бернарделли. – Прошу снисхождения из-за отсутствия опыта. Для меня это дело было первым и могло стать последним.

– Неужели...

– Хотите знать почему? Представьте себе: начало работы в криминалистическом отделе и первый труп. Осматриваю место преступления, вдруг в комнату забредает девочка, дочь убитой, – потерянная, практически обезумевшая. Она останавливается у трупа матери...

– Кто ее туда пропустил?!

– Не знаю, но после этого не то что работать – жить не хотелось.

Анна захлопнула папку и прикинула, о чем еще нужно спросить. Потом со значением проронила:

– Вчера я побывала в хранилище вещественных доказательств.

– Вы мыслите в правильном направлении. По делу Паниной возможны современные экспертизы, – поддержал ее Бернарделли.

– Это вряд ли. – Она покачала головой. – Коробка с вещественными доказательствами оказалась пустой.

Вздохнув, криминалист безрадостно усмехнулся:

– У нас такое бывает. И чаще не по злому умыслу, а по заурядной безалаберности. Не исключая, что вещественные доказательства по делу Паниной валяются где-нибудь на другой полке без сопроводительного ярлыка и каких-нибудь надписей.

– Будем искать.

– Учитывая объемы хранения, поиски могут затянуться на месяцы, а может быть, даже на годы.

– Что касается девочки, дочери Паниной... – начала Анна, и Бернарделли с готовностью ее поддержал:

– Да-да?

– После перенесенного шока у нее выпал изрядный кусок памяти.

– Мне это известно.

– Следователь привлекал врача-психотерапевта?

Бернарделли покачал головой:

– Насколько я знаю, нет. Теперь это модно, а в те времена редко практиковалось. Но теперь-то вам ничто не мешает. Попробуйте.

– Над этим стоит подумать, – сказала Анна. – Восстановлением памяти занимается врач-гипнорепродуктор. Иногда под легким гипнозом удается восстановить куски воспоминаний, очистить их от придуманного и вытащить из памяти важную информацию. Вот только вызывать из Москвы такого специалиста крайне проблематично.

– Желаете применить гипноз?

– Если только дочь Паниной согласится. Теперь она взрослая сорокалетняя женщина и, возможно, не захочет возвращаться в прошлое.

– Ну, так поговорите с ней, убедите.

– Поговорю. А что касается гипнотерапевта: сегодня же позвоню в Москву.

– Зачем же тащить человека в такую даль? В нашем городе есть прекрасный специалист. Если хотите, дам телефончик.

– Сделаем так, – заключила Анна. – Вы сами позвоните этому человеку и обрисуете ситуацию. В случае, если он согласится, приведете его ко мне. Вопрос финансирования решим, пусть не волнуется.

Глава 7. Кровавые буквы

Когда криминалист вышел за дверь, Анна спросила Павла:

– Мне показалось, ты что-то хотел сказать?

– Обвалочный нож... Мурашки по коже от одного только названия.

Стерхова отмахнулась и посоветовала:

– Отключай воображение, иначе сойдешь с ума.

– Теперь вы освободились? – Платонов перенес на ее стол толстую папку. – Следственные материалы об изнасиловании и причинении тяжкого вреда здоровью гражданки Макаровой.

– Дело, о котором ты говорил? – уточнила Анна.

– Вы обещали посмотреть.

– Ну хорошо, давай... – Она раскрыла папку и провела пальцем по перечню документов. – Показания потерпевшей...

Во время изучения материалов Стерховой непременно хотелось найти совпадения с делом Паниной. Однако совпал только характер нанесенных ранений: неглубокие раны на груди потерпевшей, которые не могли привести к смерти.

Из показаний самой Макаровой следовало, что в момент нападения в подъезде было темно и она не разглядела насильника. Не исключено, что он перерезал бы ей горло, если бы его не спугнул сосед, который спускался с верхнего этажа с включенным фонариком. В результате – преступник скрылся, а сосед вызвал милицию и «Скорую помощь».

На вопрос следователя о графике работы Макарова пояснила, что обычно возвращалась с работы засветло, но в тот раз сменщица задержалась, и ей пришлось добираться до дома ночью.

Анна отыскала складскую квитанцию, записала номер и сказала Платонову:

– Возможно, ты прав и эти два дела связаны. Во всяком случае, нужно проверить.

Она протянула помощнику листок:

– Иди на склад вещественных доказательств, найди коробку с бельем и одеждой Макаровой и отдай на экспертизу. Как обычно: ДНК, микрочастицы и все, что найдут. А я позвоню Бернарделли, попрошу, чтобы не затягивал.

– Сделаю! – схватив листок, Платонов бросился к двери, но Анна его окликнула:

– Постой! Это еще не все.

Когда Павел вернулся, она продолжила:

– Сделай все, чтобы найти Макарову. Будешь опрашивать, спроси: на сколько и по какой причине тем вечером опоздала сменщица. По возможности, отыщи и ее.

– Чересчур глубоко копаете, – заметил Павел.

– Делай, что говорят, – сказала Анна и для остротки спросила: – Узнал адрес аптеки?

– Когда бы я успел это сделать?

– Ну, так поторопись!

Отослав Платонова, она позвонила Бернарделли, и тот пообещал представить отчет по экспертизе как можно раньше.

Вернулся Платонов не один – с ним, как уже бывало раньше, пришла Татьяна Краюшкина.

Стерхова взыскательно посмотрела на младшего лейтенанта:

– Поручение выполнили?

– Вот... – Краюшкина положила перед ней вчетверо сложенный листок.

Развернув его, Анна прочитала вслух:

– Гуляев Николай Иванович проживает в поселке Качинские Дачи по адресу: улица Школьная, девятнадцать. Домашний телефон... – Она подняла глаза на Краюшкину: – Уверены, что номер актуален?

- Во всяком случае, другого я не нашла.
- А что с подругой Паниной? Высоцкую разыскали?
- С этим – беда. – Краюшкина опустила голову. – Точное отчество и год рождения – это все, что я нашла в домовых книгах. Настоящее местонахождение Высоцкой не установлено. Может, умерла, может, эмигрировала, а может, сменила фамилию...
- Чтоб вы знали, мы здесь не на кофейной гуще гадаем, – оборвала ее Анна.
- Я сделала запрос, но это же будет долго...
- Можете идти, – сказала Стерхова, но вдруг передумала: – А впрочем, нет, задержитесь.
- Слушаюсь. – В голосе младшего лейтенанта прозвучали слезы.
- Не надо обижаться. Мне очень нужна ваша помощь. Понимаете?
- Понимаю. – Краюшкина шмыгнула носом. – Еще что-нибудь?
- Прошу организовать для меня доступ в склад вещественных доказательств в вечернее время.
- Какую причину указать в рапорте? – спросила Краюшкина.
- Поиск утерянных вещественных доказательств по делу об убийстве гражданки Паниной. Думаю, Стратонов его подпишет.
- Сегодня же все сделаю.
- Теперь идите.
- Едва дождавшись ухода младшего лейтенанта, Павел тяжело обронил:
- Зачем же вы так с ней, Анна Сергеевна?
- Как? – Анна перевела на него взгляд.
- Жестко.
- Давай договоримся, Платонов. Если девушка нравится – пригласи ее в кино после работы. А в рабочее время мы ловим преступников.
- Она взяла со стола листок, сняла трубку с телефонного аппарата и набрала номер. Дождавшись ответа, Анна заговорила:
- Мне нужен Николай Иванович Гуляев.
- Да, это я, – ответил негромкий голос.
- Здравствуйте, моя фамилия Стерхова, я – следователь. Нам нужно поговорить.
- Гуляев настороженно обронил:
- О чем?..
- Об убийстве Паниной. Помните такую?
- Я все уже рассказал. Больше сказать нечего.
- Было бы хорошо, если бы вы приехали ко мне в следственное управление и все повторили. Что скажете, если я закажу для вас пропуск на завтра?
- Ну уж нет! Я тридцать лет в областной центр ни ногой. И век бы мне его не видеть!
- Тогда давайте по телефону.
- Нам не о чем говорить. Прощайте.
- Услышав гудки отбоя, Анна положила трубку.
- Не стал говорить? – догадался Платонов.
- Она подтвердила:
- Не стал.
- Хотите, съезжу к этому дегенерату и поговорю с ним по-мужски?
- Спасибо. Только это вряд ли поможет. Нам нечего ему предъявить. – Анна потянулась к сумочке, достала помаду и, не глядя в зеркало, подкрасила губы. – В два часа меня ждет Колодяжная.
- Где?
- В своем доме.
- Насколько понял, там убили ее мать. Я бы на ее месте переехал.

– Я тоже удивилась, – заметила Анна. – Однако это для нас весьма кстати. Поговорю и заодно осмотрюсь на месте.

За тридцать прошедших лет дом Паниной почти не изменился. Он был таким же, каким его увидела Анна на фотографиях Бернарделли: большой, двухэтажный, с белыми стенами. Сменились только окна и дверь. Теперь входная дверь была металлической, а окна – из пластика.

Анна поднялась на крыльцо, нажала кнопку звонка и вдруг ощутила страх, как будто ей предстояло опуститься в чью-то могилу. В любое другое время это бы показалось странным, однако теперь она всерьез обеспокоилась своим психологическим состоянием и повторила фразу, сказанную недавно Платонову: «Чтобы не сойти с ума, нужно отключать воображение».

Дверь ей открыл невысокий худой мужчина – классический образец престарелого боксера легкого веса. Он имел по-боксерски сломанный нос, аскетичное лицо и седые волосы. На первый взгляд ему было лет пятьдесят пять, может, немного больше.

Представившись мужем Елены Васильевны, мужчина провел Анну в гостиную, которая располагалась рядом со входом. Усадив ее на диван, он устроился на стуле возле большого стола, накрытого жаккардовой скатертью.

Догадавшись, что находится в той самой комнате, где убили Панину, Анна внутренне содрогнулась. Пока ждали Колодяжную, она обшарила взглядом стены и пол. И ей с пугающей ясностью привиделась прежняя обстановка: окно, заклеенное белыми полосками бумаги, разобранная кровать, стол, тумба, кровь и мертвое тело Паниной. Вопреки ее воле, грань между реальностью и воображаемым прошлым стиралась все больше и больше.

Стерхова на мгновение закрыла глаза, а когда открыла, увидела Колодяжную. Обутая в домашние тапочки, она неслышно вошла в комнату и села поближе к мужу.

– Вы уже познакомились? Моего супруга зовут Валентин Егорович.

– Очень приятно, – кивнула Анна.

– Вы не возражаете, если он посидит с нами?

– У Лены, когда понервничает, случаются приступы удушья. – Валентин Егорович сцепил руки и энергично потер их, как будто готовясь к важному делу. – Здесь главное – время не упустить, дать ингалятор и вызвать «Скорую».

– У меня возражений нет, – сказала Анна и достала из сумки фотографию ножа. – Нужно, чтобы вы, Елена Васильевна, взглянули на орудие убийства.

– Я видела его раньше, – безэмоционально ответила она.

– У меня конкретный вопрос: этот нож с вашей кухни? Видели его до убийства? Сможете опознать?

Елена Васильевна снова посмотрела на снимок и опустила глаза.

– Сама я вряд ли вспомню, но слышала, как бабушка говорила.

– Что именно? – уточнила Анна.

– Нож – чужой. Такого у нас не было.

– Ага... Вы уверены?

– Абсолютно.

– Но почему в материалах дела нет ее показаний?

– В материалах многого нет. – Елена Васильевна поднялась со стула, пересекла комнату и тихо, словно во сне, подошла к двери. – Я стояла за порогом, прозрачный пяточек в стекле был где-то здесь. Точнее показать не могу, ту дверь поменяли. – Она вернулась и указала рукой: – Здесь мама еще ползла. А в этом месте он перерезал ей горло.

– Лена, сядь, – тихо сказал муж.

– Я сяду, сяду.

– Эта история совсем ее вымотала. – Он обратился к Анне: – Скорее бы все закончилось. Было видно, что он умел помолчать, но если нужно, говорил по делу и точно.

– Здесь была перепланировка? – спросила Анна.

– Хотите осмотреть весь дом? – предложил Колодяжный.

– Да, пожалуй.

Они вышли из гостиной и в коридоре свернули направо, в противоположную сторону от входной двери.

– Когда мы с Леной поженились, хотели все здесь разнести. Но потом ограничились тем, что расширили коридор и перенесли в другое место санузел.

Свернув еще раз направо, Анна заглянула на кухню и возвратилась к лестнице, которая вела на второй этаж.

– Покажите, где была ваша спальня.

– Она и сейчас в той же комнате, – сказала Елена Васильевна и стала подниматься наверх.

Они пришли в небольшую комнату с аккуратно заправленной постелью и старинным торшером с двумя плафонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.